

Эти Достоевские Достоеведы

Собрались в 25-й раз

Общая газета. — 2000. — 30 нояб. — 4/0

В ТЕЧЕНИЕ четырех дней в музее-квартире Ф.М. Достоевского в небольшом конференц-зале с 10 утра до 8 вечера достоеведы читали и обсуждали доклады, название каждого из которых уже говорит само за себя: «Проблемы метафизического в романе «Идиот» (Г. Шенников, г. Екатеринбург), «Ты человечество презрел» — тема презрения к человеку у Пушкина и Достоевского» (С. Бочаров, г. Москва), «Достоевский и гипнотизм» (Го Косино, Япония), а также доклады, названия которых мало о чем говорили присутствующему на чтениях корреспонденту. Например: «Homo spectans et Homo videns» (визуальные классификаторы в художественных текстах Достоевского) — в данном случае достоевед из Минска А. Ренанский представил собравшимся свои выкладки по поводу частотности употребления в произведениях Достоевского таких глаголов, как «глядеть», «смотреть», «видеть», а также прилагательных (относительно цвета глаз героев) — «черный», «голубой», «серый» и дал этим подсчетам свою оригинальную литературоведческую трактовку. А доклад О. Дехановой из Москвы «Легенда о меделянской собаке» прозвучал отчасти даже как кинологический очерк, посвященный очень редкой сегодня меделянской породе щенка, которого в романе «Братья Карамазовы» приносят дети больному Илюшечке...

На пятый день после напряженной работы музеем

подарил казалось бы уставшим достоеведам автобусную экскурсию по литературным местам Ленинградской области. Но и тут в часы отдыха достоеведы не расставались с Достоевским ни на минуту. Оказавшись в деревне Кобрино, в музее «Дом няни», и слушая в исполнении местного экскурсовода посвященные Арине Родионовне стихи Пушкина, достоеведы шептались друг другу, что, по мнению Достоевского, если бы не было Арины Родионовны, то, возможно, не было бы и поэта Пушкина... В «Доме станционного смотрителя», что в деревне Выра, обходя светелку Дуни, они обсуждали тот факт, что любимым чтением Макара Деушкина, героя «Бедных людей», была как раз пушкинская повесть «Станционный смотритель», а в смежной со светелкой «ямщицкой», рассматривая развешанные по стенам старинные хомуты и вожжи, вспоминали забитую мужиками несчастную лошадь в первом сне Раскольников... Даже в трактире «У Самсона Вырина» (ниже на вывеске написано: «Рождественское потребобщество»), сидя за длинным деревянным столом и попивая из кружек фирменную медовуху, достоеведы говорили, что похожи на Ивана и Алёшу из «Братьев Карамазовых», которые решали вечные вопросы бытия, сидя в провинциальном скотопригоньевском трактире «Столичный город»...

К вечеру приехали в село Рождествено. Обошли

сгоревшую несколько лет назад и теперь восстанавливаемую усадьбу Набоковых, потом не спеша направились по осенним полям к местному чудодейственному источнику, по пути обсуждая... тему «Набоков — Достоевский». «Удивительно, Набоков считал Достоевского посредственным писателем, разве что со вспышками непревзойденного юмора», — грустно и с явной жалостью к Набокову звучало в наступающих сумерках... И тут бредущий неподалеку вездесущий корреспондент подумал о том, что в отличие от элегантно-холодных набоковедов (с которыми корреспонденту тоже приходилось встречаться) или от тех же пушкинистов, всем напиткам на земле предпочитающих шампанское, достоеведы с их всепоглощающей страстью к Достоевскому сами напоминают автора «Игрока», как-то сказавшего о себе: «Я ни в чем меры не знаю» — и это напоминание придает им особое обаяние и одновременно вызывает к ним особое уважение.

Через несколько дней корреспондент при встрече поздравил достоеведов — научных сотрудников музея с успешным и плодотворным завершением конференции. «Мы пока еще только на пороге», — скромно ответил один из них и улыбнулся предвещающей улыбкой кладонскателя.

Эмилия КУНДЫШЕВА
Санкт-Петербург

Александр ЗУДИН